

«Пасхальный мир» Николая II, когда звонил колокол по Витте*

Таирова Нэлли Михайловна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)

Доцент кафедры истории и политологии

Кандидат исторических наук, доцент

mmandrik@mail.ru

РЕФЕРАТ

Николай II пытался сохранить государственный порядок, существовавший при его отце Александре III, однако первые годы его правления ознаменовались острым дефицитом деятельности правительства. Многие годы успешно функционировало лишь Министерство финансов во главе с С. Ю. Витте. Николай II обратил свое внимание на деятельность Министерства иностранных дел и вместе с министром М. Н. Муравьевым инициировал в 1899 г. созыв Международной Гагской конференции мира в целях проведения миролюбивой политики в Европе. Через Министерство внутренних дел происходила трансформация политических отношений между самодержавием и общественностью в сторону либерализации (поиск новых форм взаимодействия государственных структур управления с земскими учреждениями). Взаимоотношения С. Ю. Витте и Николая II — это клубок нравственных, этических, политических и экономических связей, несмотря на разницу во взглядах для обоих в центре их интересов было государство и самодержавие.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

пацифизм Николая II, Гагская конференция 1899 г., Нобелевские номинанты, «битва докладов», лекции С. Ю. Витте, датские беседы, династия

Tairova N. M.

«The Easter World» of Nicholas II during the Bell for Witte Tolded

Tairova Nelly Mikhailovna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)

Associate Professor of the Chair of History and Political Science

PhD in History, Associate Professor

mmandrik@mail.ru

ABSTRACT

Nicholas II tried to keep the state order existing at his father Alexander III, however the first years of his board were marked by acute shortage of activity of the government. Many years only the Ministry of Finance led by S.Yu. Witte successfully functioned. Nicholas II has paid the attention to activity of the Ministry of Foreign Affairs and together with the minister, M. N. Muravyov initiated in 1899 convocation of the International Hague conference of the world for carrying out peace policy in Europe. Through the Ministry of Internal Affairs, there was a transformation of the political relations between autocracy and the public towards liberalization (search of new forms of interaction of government institutions of management to territorial institutions). S.Yu. Witte and Nicholas II's relationship is a ball of moral, ethical, political and economic relations, despite a difference in views, for both in the center of their interests there was a State and Autocracy.

KEYWORDS

Nicholas II's pacifism, Hague conference 1899, Nobel nominees, "fight of reports", S. Yu. Witte's lectures, Danish conversations, dynasty

* Продолжение. Начало см.: Управленческое консультирование. 2016. № 3. С. 166–183.

В условиях европейской гонки вооружения Николай II решительно отстаивал безопасность страны, заключая мирные соглашения и продолжая, в этом случае, политику своего августейшего отца. Государь увлекся идеями пацифизма, особенно на него влияли пацифистские взгляды И. С. Блюха (1836–1902)¹, опубликовавшего в 1898 г. многотомный труд под названием «Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношении». Памятной стала аудиенция И. С. Блюха у Николая II, она состоялась незадолго до объявления Гаагской конференции. Николай II провел в беседе с известным пацифистом Блюхом 6 ч, что было несвойственно для немногословного Николая. Известно, что государь пытался опровергнуть некоторые тезисы Блюха, которые не совпадали с его взглядами [11]. Как утверждает историк П. Н. Милюков (1859–1943), именно Блюх склонил Николая II к организации первой Гаагской конференции мира в 1899 г. [13]. Этот факт подтверждает в воспоминаниях С. Ю. Витте. Он подчеркивает, что Блюх везде пропагандировал идею о всеобщем мире и разоружении. Вместе с тем он доказывал, что эта идея может спасти не только Европу, но и все человечество [6, с. 337]. С другой стороны, Николай II особое внимание проявил к книге «Долой оружие!». Автором этой книги являлась австро-немецкий лидер пацифистов — баронесса Берта фон Зуттнер [11]. Пожалуй, нельзя исключать из внимания, что известные Николаю II идеи европейского пацифизма сыграли определенную роль и подтолкнули царя к организации Гаагской конференции.

Конечно же, немаловажным фактом в увлечении Николая II пацифизмом являлись события, связанные с занятием русской армией Порт-Артура и Даляньяня (Дальний) на Дальнем Востоке. Для него важна была мирная ситуация в Европе, чтобы Россия не отвлекаясь могла полностью перекинуться на решение экономических и политических вопросов на Дальнем Востоке. Витте, бесспорно, был за сохранение дружбы с Китаем. Когда стали раздаваться заявления, что «Маньчжурия и китайский Туркестан» попадают в зону влияния России, у Витте возникли серьезные осложнения с министром иностранных дел гр. М. Н. Муравьевым (1845–1900) [7, с. 159]. Бесспорно, Витте понимал, какие финансовые расходы в связи с войной на Дальнем Востоке может понести Россия. Получалось, на Дальнем Востоке одной рукой захватывали земли, которые к тому же Китаем любезно предоставлялись России в аренду, а с другой, в Европе и мировом масштабе — Николай II под свою ответственность призывал народы к сокращению оружия. Витте приходилось вне государственной росписи выдавать финансы на расширение флота на Дальнем Востоке. Так, в начале 1898 г. по просьбе в. к. Алексея Александровича (1850–1908) он выдал вне бюджета 90 млн руб. Витте пошел навстречу, за что государь был доволен его решением и между ними на короткое время установились доброжелательные отношения [7, с. 146].

На потепление отношений отразился и другой поступок министра финансов. Находясь в затруднительном положении, гр. М. Н. Муравьев обратился за консультацией к Витте: как поступить, если европейские государства усиленно вооружаются? Дело в том, что он получил письмо от военного министра А. Н. Куропаткина (1848–1925), в котором тот просил войти в сношение с австрийским правительством по вопросу прекращения увеличения и перевооружения их артиллерии, в противном случае, России также пришлось бы перевооружаться, потратив на это значительные средства. Выражая сомнения, Куропаткин поставил гр. Муравьева в затруднительное положение, но правильно поданный совет со стороны министра финансов Витте, помог сохранить лицо державе и дать возможность свободно действовать царю. Витте, как бы предугадывая ответ Австрии, высказал мысль, что лучшим

¹Жан де Блюх (Блюх) (1836–1902) — банкир, железнодорожный магнат, экономист, родился в Русской Польше в еврейской семье, женился на немке, принял христианство.

благом для Европы и для всего мира вообще, положить предел вооружению, так как «от вооруженного мира народы страдают не менее, нежели от войны» [7, с. 159–160]. Для гр. Муравьева этот тезис оказался новым и произвел на него глубокое впечатление. Подсказка Витте, возможно, оказалась решающей и сыграла определенную роль в появлении обращения царя к народам мира. Но имелись и весьма серьезные причины, которые нельзя было обойти стороной. В первую очередь, Витте имел в виду слабую финансовую обеспеченность России: не хватало средств ни для перевооружения, ни для ведения войны. Пожалуй, нельзя сбрасывать со счетов и тактический расчет государя, следовать своей намеченной линии и избегать осложнений в Европе¹.

12 августа 1898 г. появилась нота с обращением Николая II ко всем правительствам о призыве «к разоружению и миру во всем мире» [18, с. 86]. Ноту передали представительствам европейских, американских и азиатских государств, аккредитованных в Санкт-Петербурге. Это обращение вызвало общее сочувствие со стороны иностранных держав, а также благодарность царю за его попытку упрочить всеобщий мир. В этой связи Николай II предложил создать международную конференцию и обсудить вопросы, связанные с хозяйственными, финансовыми и моральными последствиями гонки вооружения. Европа была удивлена смелой инициативе русского монарха: одни правители приняли его идею с восхищением; другие, как например, его кузены — принц Уэльский и Германский кайзер — посчитали величайшей глупостью, для них сама идея созыва мирной конференции была неприемлема. По убеждению кайзера, можно лишь обсуждать военные проблемы, но не мирные вопросы. Он на корню зарубил пацифистскую инициативу Николая II. Но инициатива русского царя была услышана и поддержана другими европейскими государствами, а также США, Мексикой, Японией, Китаем, Сиамом и Персией [18, с. 86–87]. Призыв русского царя явился прологом к созданию Гаагской мирной конференции и Международного третейского суда. Россия на рубеже XIX–XX вв. повысила свой престиж, вступив на путь гуманистических реформ в области международных отношений.

Кстати, уже 25 сентября 1898 г. в «Биржевых ведомостях» появилось сообщение некой «Лиги Мира». В нем она предлагала присудить премию мира императору Николаю II за его призыв к разоружению от 12 (24) августа 1898 г. Так случилось, что официально пацифистская организация не была разрешена в России². Впоследствии конфронтационные действия между правительством и пацифистами не помешали сторонникам пацифизма утверждать, что свое начало они видят именно с момента зарождения монархического пацифизма и Гаагской конференции. Несмотря на заявление о преемственной связи, Министерство внутренних дел официально не признало это движение и не приняло к рассмотрению Устав «Общества мира». Главной причиной непризнания русского пацифизма являлась патологическая боязнь Николая II каких-либо изменений, он не хотел допускать политических «измов» в общественную жизнь страны.

Русскому императору было предоставлено право выбора места проведения конференции: Нидерланды, как нельзя лучше, являлось государством, которое было «нейтральнее» всех других «нейтральных государств» [18, с. 87]. Как известно, нидерландцы мужественно боролись за свою независимость и первые в Европе избавились от испанского ига. Это способствовало возникновению в Нидерландах международного публичного права, отцом основателем которого являлся известный дипломат, юрист Гуго Гроций (1583–1645). После издания в 1625 г. его знаменитая

¹ Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. Белград, 1939. С. 104.

² Русский пацифизм возник на базе кружка «Беседа», в который входили гр. Л.А. Комаровский, В.А. Маклаков, Д.Н. Шипов, кн. П.Д. Долгоруков (будущий лидер кадетской партии) [11].

книга «О праве войны и мира» была внесена в список еретических изданий. Симптоматично, но запрет на данный труд просуществовал до 1900 г. и был снят лишь после проведения Гаагской конференции.

В своем труде Г. Гроций объясняет, что существуют законы, с одной стороны, позволяющие ограничивать проявление дикой силы, охраняя права безоружных обывателей и несчастных жертв войны, а с другой — указывающие на тот путь, по которому должны идти народы для сохранения своих интересов во время мира. Неслучайно герой тридцатилетней войны шведский король Густав-Адольф в военных походах в палатке постоянно держал две книги — Библию и книгу Гуго Гроция. Это позволило ему избежать массовых грабежей в занятых его войсками германских землях. Другим важным фактором являлось то, что Россия и Нидерланды исторически были связаны Великим посольством Петра I. Таким образом, выбор места проведения международной конференции был знаменательным как для международного сообщества, так и лично для российского монарха, чей предок через Нидерланды открыл «окно в Европу».

Итак, конференция состоялась в Гааге — в королевском замке XVII в. под названием «Лесной дворец». По предложению королевы Нидерландов Вильгельмины (1880–1962) открытие Гаагской конференции приурочили ко дню рождения Николая II — 6 мая 1899 г., в знак признания и уважения к русскому царю, по чьей инициативе она была созвана. На конференцию прибыли 109 представителей из 26 государств. В связи с тем что инициатором конференции являлась Россия, то председателем Гаагской конференции 1899 г. был избран русский дипломат — посол в Лондоне действительный тайный советник барон Е. Е. Стааль. Всего в состав русской делегации вошли 13 чел., причем Россия на конференции представляла интересы Черногории. По окончании Гаагской конференции, так называемого «парламента мира», ее участники приняли декларацию, текст которой был разработан русским дипломатом и правозащитником, профессором по международному праву Ф. Ф. Мартенсом (1845–1909). Примечательно, что Мартенсу принадлежала выработка всего комплекса мероприятий в организации Гаагской мирной конференции, а также документации по созданию Гаагского арбитражного трибунала. Можно утверждать, что Ф. Ф. Мартенс заложил фундамент международного права в Европе и во всем мире. Авторитет чиновника русского МИДа был настолько велик, что он был избран первым председателем Гаагского третейского суда¹.

Бесспорно, созыв мирной конференции поставил Николая II вровень с политикой августейшего отца — Александра III Миротворца, одним из создателей союза Антанта, в честь которого благодарные французы назвали знаменитый мост в Париже. Николай II призвал народы осуществлять международные отношения в мире и согласии, без гонки вооружения и войны. Европа оценила вклад Николая II в построении мирного сосуществования народов, присоединив к его имени символический титул — «Миролюбивый»².

Тем не менее Гаагская конференция 1899 г. не достигла полного консенсуса, многие страны бойкотировали предложения России. Да, и в самой России к конференции проявили весьма слабый интерес. Все были поглощены внутренними событиями, только интеллигенция озвучила свое мнение о «неискренности» ноты

¹ Мартенс Ф. Ф. Гаагская конференция мира. Культурно-исторический очерк // Вестник Европы. СПб., 1900. Т. II. С. 5–28; Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. Т. 1. Белград, 1939. С. 106.

² В Гаагском суде имеется мемориальная доска с портретом Николая II за выдающуюся его роль в учреждении этого органа. В ООН установлен мемориальный стол, с прикрепленной к нему табличкой, на которой начертаны слова благодарности основателю суда — Николаю II Романову. См.: [18, с. 88].

царя от 12 августа 1898 г.¹ Впрочем, известный русский юрист Б. В. Никольский (1870–1919) подметил, что в самой России народ не принял титул Николая II «Миролюбивый», данный европейцами. Напротив, народ проявил по «остроте безымянной» зубоскальство: царя прозвали уничижительно, то ли царем-«мироварцем», то ли-«муроварцем» (запись 22 апреля 1900 г.) [14, с. 383]. Соответственно, не имея легитимности в народе, Николай II не удержал за собой титул «Миролюбивый» и под этим именем не вошел в историю России.

Но европейцы не остановились в присвоении титула, их стремление к увековечиванию имени русского царя было обращено с призывом к Нобелевскому Комитету. Как стало известно из рассекреченных документов Нобелевского Комитета по награждению премии мира, в 1901 г. русский император был номинирован на Нобелевскую премию за инициацию «Первой Гаагской мирной конференции». Примечательно, кандидатура Николая II была выдвинута гражданами австрийской столицы — Вены и «вечного города» Рима². Вторым номинантом на Нобелевскую премию, бесспорно, стал проф. Ф. Ф. Мартенс, как выдающийся специалист в деле международного права³. Это еще раз доказывает, что авторитет Мартенса был общепризнанным. Даже личный юрист английского короля Т. Е. Холланд назвал его «лорд-канцлером Европы»⁴. Если Николай II выступил с инициативой созыва Гаагской конференции 1899 г., то Федор Мартенс являлся ее организатором и вдохновителем.

В номинацию на Нобелевскую премию за 1901 г. были представлены еще два пацифиста из России: Жан Блох (И. Блюх), а также великий писатель Л. Н. Толстой. Но позиции Нобелевского Комитета не совпали с позициями номинаторов: русские миротворцы остались без премии⁵. Однако созыв Гаагской конференции и выдвижение русских пацифистов на премию подвигнул Нобелевский Комитет на учреждение отдельной номинации — Нобелевская «премия мира».

Что касается С. Ю. Витте, то он следил за этим процессом и при удобном случае выразил Николаю II свое одобрение мирной его инициативе и созыву Гаагской конференции. Поздравляя государя с политическим успехом, Витте отметил его великий и благородный поступок [7, с. 161]. Вполне вероятно, государь не знал, что идея прекращения гонки вооружения принадлежала, в том числе и С. Ю. Витте. Как видно, предприимчивость гр. М. Н. Муравьева способствовала активизации рекомендаций С. Ю. Витте по воплощению их в мирной конференции в Гааге 1899 г. Историк С. С. Ольденбург не исключает, что со стороны Витте была подсказка, но полагает, что инициатива могла принадлежать и самому государю. Как он отмечает, для такой масштабной инициативы важны были, в первую очередь, смелость и простота мысли, а не дипломатические соображения⁶. Причем сама идея полного разоружения для русской политики была не нова. Николай II и гр. М. Н. Муравьев воспользовались текстом мирного проекта 1874 г., созданным при Александре II (1818–1881) послед-

¹ Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. С. 109.

² Номинаторами выдвижения кандидатуры Николая II на Нобелевскую премию мира выступили: четыре физических лица — проф. права Х. Ламмаш, член арбитражного суда Фр. Шенбрук, член совета межпарламентского союза Владимир фон Гниеваш-Олехов (Вена, Австрия), бывший посол Италии в Австрии граф Нигра (Рим, Италия); межпарламентская группа — члены Австрийского Парламента (Вена, Австрия).

³ Номинаторами выдвижения кандидатуры Ф. Ф. Мартенса являлись восемь физических лиц; номинирован на Нобелевскую премию 8 раз (1901—1908).

⁴ Holland T. E. Frederikde Martens // Journal of the Society of comparative legislation. London, 1909. P. 10.

⁵ Группа номинаторов кандидатуры И. Блюха состояла из четырех физических лиц (см.: [15]; Наши «голуби мира». 11 россиян, которые не получили Нобелевской премии мира [Электронный ресурс]. URL: aif.ru>society...nashi_golubi...nobelevskuyu-premiyu (дата обращения: 15.07.2016).

⁶ Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. Т. 1. С. 96.

ним канцлером Российской империи светлейшим князем А. М. Горчаковым (1798–1883), продемонстрировав преемственность русской мирной политики. Кроме того, в условиях широкого распространения идеи Николая II о разоружении и призыва к проведению мирной конференции, возникло народное движение за мир. Значимость мирной инициативы стала очевидной, когда делегация защитников мира из Англии прибыла в Санкт-Петербург. Английская делегация вручила министерству иностранных дел, во главе которого стоял гр. М. Н. Муравьев, 30 томов подписей граждан. Это были подписи тех, кто требовал мирного разрешения международных конфликтов [2, с. 69]. По этому случаю Николай II в «высочайшем рескрипте» от 1 января 1900 г., подводя итоги деятельности министра иностранных дел, отметил заслуги гр. М. Н. Муравьева в подготовке и проведении первой Гаагской конференции. Нота 12 августа 1898 г. и организация международной Гаагской конференции 1899 г. выдвинули Министерство иностранных дел в негласном соперничестве, без сомнения, на первое место среди других министерств российского правительства.

С именем Николая II связано проникновение России на экономические рынки Дальнего и Среднего Востока (1894–1897). В соответствии с этим С. Ю. Витте учредил три банка: Русско-Китайский, Русско-Корейский [10] и Учетно-ссудный банк Персии [3]. Совершенно очевидно, что на фоне банковского бума возникает критика экономической программы С. Ю. Витте. В этой связи, в феврале 1900 г. Витте в докладе на имя Николая II предложил предоставить равное положение Министерству финансов с Министерством иностранных и внутренних дел. Он просил предоставить министру финансов дополнительные возможности в управлении экономикой страны, предлагая сосредоточить свое влияние на тех ведомствах, которые ближе стояли к Министерству финансов (напр., промышленности). Из доклада следовало, что Министерству финансов не хватает мощностей для руководства. Витте указывал на тот факт, что когда произойдет централизация власти и все ведомства окажутся в одних руках, то появится полная согласованность с волей его величества¹. Безусловно, Витте стремился сформировать новый орган управления типа кабинета министров. Под руководством Министерства финансов Витте удалось объединить достаточно большое количество ведомств. Однако по мере ослабления его власти, эта структура стала разрушаться, и ведомства отходили от министерства финансов, зачастую попадая под управление некомпетентных лиц.

Между тем в России начался кризис, охвативший не только все основные сферы промышленного и сельского хозяйства, но и приведший к сбою в проведении земской реформы. В бюрократической сфере обнаружились разночтения по поводу реформ земского хозяйства. Одни представители бюрократии придерживались взглядов председателя Комитета министров Н. Х. Бунге (1823–1895). К земской реформе склонялись министр внутренних дел И. Л. Горемыкин (1839–1917). В числе убежденных сторонников был и военный министр А. Н. Куропаткин (1845–1925). Однако проект земской реформы был заблокирован при обсуждении всеми министерствами. Категорически против введения земского управления выступило ведомство православного вероисповедания, глава которого К. П. Победоносцев (1827–1907) заявил, что население не подготовлено к самоуправлению. Но решающей в этом вопросе являлась позиция министра финансов С. Ю. Витте, а она совпадала с позицией К. П. Победоносцева. Началась своеобразная «битва докладов» двух Министерств: внутренних дел и финансов. Причиной разногласий стал вопрос о необходимости в стране проведения политической реформы, в основе которой лежало бы предоставление самоуправления земским учреждениям.

¹ Всеподданнейший доклад С. Ю. Витте «О положении нашей промышленности», февраль 1900 г. // Историк-марксист. 1935. Т. 2–3 (42–43). С. 130–139.

И. Л. Горемыкин отстаивал идею значимости для государства самоуправления в земствах. Что касается Витте, то он видел в этом вопросе существенную преграду. Он убежденно отстаивал свою точку зрения о несовместимости земского самоуправления с самодержавным государственным строем [9, с. 84]. Политический диалог между ведомствами продолжался длительное время: первое циркулярное письмо от И. Л. Горемыкина к С. Ю. Витте было отослано 22 апреля 1898 г., а ответ был получен только 9 декабря, почти через 8 месяцев. Процесс полемики усложнялся записками, положениями, статьями в печати, частной перепиской министров, общественным мнением. Министр финансов считал «вопросом дня» теоретические рассуждения о преимуществах казенного (чиновного) над земским (общественным) управлением. Он перевел этот вопрос в политическую плоскость, утверждая, что сторонники и противники в историческом срезе будут между собой вести борьбу. Вместе с тем, как он думал, земское самоуправление потребует в большей степени материальных затрат, чем казенное управление. Горемыкина же беспокоило отсутствие самобытности русского самодержавия, которое, например, по его мнению, существовало в уничтоженном Новгородском и Псковском народоправстве. Отсюда, как он утверждал, в общественной жизни исчезла и сама идея властного участия народа в делах верховного управления. В этой полемике Горемыкин демонстрировал свою компетентность, тогда как Витте — неосведомленность о жизни российской глубинки и ее потребности в земских учреждениях. В итоге, боясь потерять свою репутацию, С. Ю. Витте слукавил и объявил, что он не против земств вообще, а лишь против устаревших их форм работы. Так или иначе он провалил земскую реформу и не допустил введения земств в Западных областях страны. По свидетельству управляющего делами Комитета министров А. Н. Куломзина (1838–1923) за литературным поединком Горемыкина и Витте следил Николай II. Вполне вероятно, что именно царь мог сам «подстрекнуть» Витте выступить против Горемыкина. Собственно говоря, Куломзин подтверждает, что Николай II имел такую привычку ссорить между собой министров, считая это верхом дипломатического искусства¹.

И. Л. Горемыкину эта полемика с министром финансов С. Ю. Витте в октябре 1899 г. стоила его должности, но закрепила за ним репутацию не консерватора, а либерала. При этом Витте, не проигрывающий ни в чем, но боясь проиграть, применил nepзoзвoлитeльный прием и донес на И. Л. Горемыкина царю. Он, буквально, «ссадил» своего оппонента с кресла министра, объяснив Николаю II, что тот имел сношения «с сэром Джексоном, английским капиталистом, поддерживавшим взятками идею проведения петербургского метрополитена», и тем самым окончательно провалил проект И. Л. Горемыкина. В действительности, сам С. Ю. Витте был не без греха и за ним также числились «небоскрежные связи» с английскими капиталистами, выявленные через секретную агентуру Департамента полиции [4, с. 100–122]².

С. Ю. Витте, видимо, понимал, что он необходим Николаю II как сдерживающий его фактор от каких-либо отклонений. Все поручения, которые доверял ему царь, с безупречной честностью он выполнял. Но было ли это доверием или царь придерживался лишь хорошего тона, не обнаруживая своих личных симпатий или антипатий? Николай II в некоторой степени превосходил самого себя и доверял Витте решать вопросы деликатного свойства.

В 1900 г. Николай II обратился к Витте с просьбой прочитать лекции по народ-

¹ Куломзин А. Н. Пережитое / РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 200. Л. 7–8.

² См. также: Обнинский В. Последний самодержец: Очерк жизни и царствования императора России Николая II. Берлин, 1911. С. 52; Ганелин Р. Ш. «Битва документов» в среде царской бюрократии, 1899–1901 // ВИД. 1985. Т. 17. С. 230–232.

ному хозяйству своему младшему брату в.к. Михаилу Александровичу. Равным образом, его просьба могла быть связана с тем обстоятельством, что к этому времени в живых не было его учителя Н.Х. Бунге, а по масштабам проведенных реформ в правительстве равных С.Ю. Витте никого не было. Кроме того, министр имел 30-летний опыт организаторской работы, его действия были технологичны, он владел не только математическим инструментарием, но хорошо разбирался в экономике. По всем параметрам Витте подходил в преподаватели наследнику престола. Дело в том, что в императорской семье не было прямого наследника по мужской линии. За время совместной жизни у Николая и Аликс родились три дочери, и царь внутренне находился в напряжении, каждый раз при беременности Александры он ожидал появления наследника.

Признавая вопрос о наследнике важным, Николай II вынужденно следовал династической традиции. Курс лекций С.Ю. Витте должен был восполнить образование «наследника» по дисциплинам государственного управления — политической экономике и финансам, — включая в лекции новейшие западные разработки в этой области. В частности, Витте привлекали идеи немецкого экономиста Фридриха Листа о национальном единстве и экономическом процветании Германии. С его взглядами Витте был знаком еще до назначения на пост министра финансов. Его научный труд «Национальная экономика и Фридрих Лист» был издан отдельной книгой в Киеве в 1889 г. Идея «национальной экономики» Ф. Листа (1789–1846) была близка сложившейся славянофильской ориентации Витте — самобытным пути развития России [8]. Более того, она утвердила Витте в проведении «покровительственного» курса в промышленно-экономической политике России. Дело в том, что с 50-х гг. XIX в. в российской общественной и государственной сфере широко обсуждалась тема «фритредерства и протекционизма». С одной стороны, выдвигались принципы либерального толка — свобода торговли, а с другой — необходимость государственного покровительства отечественному производству [1, с. 245, 247]. Проблема выбора пути экономического развития всегда для России являлась сложным вопросом. Какие выбрать принципы: свободу торговли или государственный протекционизм, который позволял поиск своего собственного курса, учитывая многоукладность российских экономико-производственных отношений. Министр финансов С.Ю. Витте сделал свой выбор в сторону второго подхода. Что любопытно, Ф. Лист, изучая экономическое развитие России, с большим вниманием отнесся к опыту Е.Ф. Канкрин (1774–1843) — русского министра финансов с 1823 г. Он признал, что государственные действия Е.Ф. Канкрин являлись новаторскими. Все, что осуществлял Канкрин в России, невозможно было проводить в Германии, так как не было единого государства, но впоследствии Германия все-таки использовала российский опыт. По мнению Ф. Листа, Россия уже тогда нашла свой путь к спасению, применяя государственный протекционизм, конечным результатом которого было благосостояние нации. Показательно, но Ф. Лист рекомендовал Германии равняться на опыт России, ибо введение протекционизма не может препятствовать развитию торгово-экономических отношений. После 1845 г. в государственной политике России возрос фритредерский принцип торговли, лишь с 1880 г. произошел поворот к протекционизму [1, с. 245, 247]. Собственно говоря, Витте удалось в своей деятельности успешно сочетать научные знания и обобщенный опыт экономистов и государственных деятелей России разных времен, в том числе и собственный опыт, приобретенный им на «чугунке». В самом начале своей государственной карьеры, в случае так называемой «таможенной войны» России с Германией и подписании таможенного договора 1894 г., он наглядно показал, как необходимо совмещать торгово-промышленный протекционизм с охранительным таможенным тарифом, а заодно вернуть протекционистскую доктрину на родину. В этом примере не Россия переняла идею с Запада, а Германия

последовала совету Ф. Листа и использовала метод государственного протекционизма Е.Ф. Канкрин, осуществленный им в экономике российского индустриального государства. Принимая идеи Ф. Листа, Витте считал, что государственный протекционизм своей целью предполагает «промышленное воспитание» нации в целях достижения ее благосостояния. Десять лет спустя после опубликования книги о Ф. Листе, 19 февраля 1899 г. по инициативе С. Ю. Витте будет открыт Санкт-Петербургский политехнический институт им. Петра Великого (его единомышленниками были тов. министра финансов В.И. Ковалевский и ученый-химик Д.И. Менделеев). Что же касается лекций Витте, прочитанных в.к. Михаилу Александровичу, то они с разрешения Николая II впоследствии были опубликованы и до сих пор имеют актуальность.

Внезапно к концу 1900 г. на первое место в политической повестке дня вышел династический вопрос. Этому способствовала смертельно опасная болезнь царя. Без сомнения, можно утверждать, что именно 1900 г. становится переломным в отношениях Николая II и С. Ю. Витте.

Еще летом ничего не предвещало беды. В августе Николай II вместе с С. Ю. Витте должен был присутствовать на Всемирной выставке в Париже. Однако государь не поехал из-за страха нападения террористов, которые активизировали свою деятельность, совершив ряд нападений на европейских монархов [17, с. 3]¹. В Париж уехал Витте в качестве официального представителя Российской империи, а Николай с семьей отправился на дачу в Спалу, где он любил охотиться в Крулевом лесу (Польша). Как раз в это же время отдыхал его брат в.к. Михаил Александрович (1918). И только 17 сентября он с семьей прибыл в Крым, а брат Михаил отправился к матери в Данию [17].

Что касается Витте, то он, проездом в Париж, «по желанию» Николая II должен был заехать в Копенгаген, чтобы встретиться с Марией Датской. О своем визите к ней Витте 6 августа 1900 г. пишет в письме министру внутренних дел Д.С. Сипягину (1853–1902), находившемуся на лечении за границей. В нем он сообщает, что 15 августа выезжает за границу и у него есть поручение: «должен заехать на 12 часов, по желанию государя, чтобы повидаться с принцессой Марией Датской, в Копенгаген, и думаю 19-го быть в Париже (остановлюсь Avenue Rapp, 33)»².

В это же время в гостях у своего отца, датского короля Христиана IX, находилась и вдовствующая императрица Мария Федоровна. К сожалению, Витте не раскрывает имя того, кто сообщил ему, что она желала бы встретиться с ним. В своих воспоминаниях он записал — «было дано знать из Копенгагена» [7, с. 187]. Эта запись позднее позволила некоторым недоброжелателям обвинить С.В. Витте в шпионаже, а его поездку в Данию посчитать самовольной.

Между тем С. Ю. Витте по этикету двора без согласия государя не мог прибыть в Данию ради личной встречи с его родственниками. Для Витте в его высоком положении было бы непозволительно и рискованно без согласования предпринимать такой вояж, даже если этот визит был бы неофициальным. В свою очередь, Мария Федоровна не позволила бы себе без приглашения принимать его на аудиенции, не в ее правилах было нарушать придворный протокол, тем более С. Ю. Витте являлся государственным сановником высокого ранга. Характерно, но она при любых обстоятельствах сохраняла чувство собственного достоинства. Любопытно, А.В. Богданович (со слов камердинера царя Н.А. Радцига) записала в дневнике очень важный момент, объясняющий светские манеры, которых придерживалась

¹ См. также: *Мультатули П.В.* Император Николай II и Крым [Электронный ресурс]. URL: belrussia.ru/page-id-6815.html (дата обращения: 15.07.2016).

² Письма С. Ю. Витте к Д.С. Сипягину (1900–1901) / Красный архив. Исторический журнал. Т. 5 (18), М., Л., 1926. С. 39.

императрица Мария Федоровна. Однажды царица-мать посетила семью дочери — в. кн. Ксении Александровны — в Петергофе, где в это время находился и Николай II с семьей. Царь, зная, что она приехала и находится рядом, все время ее ожидал, даже во время докладов министров справлялся, приехала ли мать. Наконец не выдержал и послал гонца к матери, чтобы ему сообщили, почему она не приезжает. В ответ прозвучало коротко — «потому что приглашения не получила» (запись 9 июня 1899 г.) [5, с. 247]. Царица-мать, рожденная и воспитанная в королевской семье, традиционно придерживалась правил европейского этикета и не нарушала его даже с собственными детьми. Но если она сама желала видеть Ю. С. Витте, то непонятно, почему в письме к своей дочери Ксении сообщала, что ее крайне удивил приезд министра финансов в Копенгаген¹. Кто-то из двух действующих лиц тех событий противоречит себе — либо Мария Федоровна, либо С. Ю. Витте. В Данию он поехал не один, а захватил с собою Грубе, поскольку Грубе был не только агентом министерства финансов в Персии², но и датчанином. Его знали императрица и Мария Датская, с которой он был в хороших отношениях [7, с. 187]. Показателен тот факт, что первая аудиенция С. Ю. Витте при датском королевском дворе состоялась именно у Марии Федоровны. Здесь не существовало какой-либо интриги, С. Ю. Витте посетил вдовствующую императрицу в соответствии с тем, что она являлась для него царской особой и матерью нынешнего российского императора. И если верить его воспоминаниям, то шел к ней на аудиенцию все-таки по ее приглашению. Но как тогда понимать ее письмо к дочери? По понятным причинам ей хотелось получить от Витте больше известий, чем она получала из писем дочери, вполне вероятно, могла просить деньги на свое содержание и, наконец, хотела, чтобы о ее истинных намерениях не догадался бы в. к. Александр Михайлович, муж Ксении и друг Николая II. На аудиенции вдовствующую императрицу интересовали не только внутренние дела двора, но и положение дел в Китае. С. Ю. Витте рассказал ей о «боксерском восстании» в Пекине, успокоив ее, что чрезвычайных последствий для России в связи с этим восстанием не ожидается.

Но, безусловно, императрицу-мать больше всего интересовали сведения о сыне. Известно, что среди своих родственников она постоянно прибавляла к его имени слово «бедняга» (датское — *stakkels*) или «бедный мой сын». Этими словами она жалела его, осознавая, как труден для него груз управления государством. Она сочувственно относилась и к тому, что в его окружении нет преданных людей — ни ему лично, ни государству [12, с. 102–103]. В то же время Мария Федоровна с уверенностью могла обратиться к С. Ю. Витте (в том числе и за получением денежных сумм на собственные нужды или в целях благотворительности). С. Ю. Витте для нее казался спасительным островком, оставшимся после ее августейшего супруга. Она верила, что министр сохраняет преданность самодержавию в лице не только усопшего мужа, но и ныне действующего на троне сына.

Следовательно, в Дании у министра финансов С. Ю. Витте были запланированы две официальные встречи — с Марией Датской и вдовствующей императрицей Марией Федоровной. Но получилось так, что за короткое время пребывания в Копенгагене (всего 1,5 дня — с 18 по 20 августа), он успел встретиться с четырьмя

¹ *Мультиатли П. В.* Император Николай II и Крым [Электронный ресурс]. URL: ekskursia-spb.ru/p-v-multatuli-imperator-nikolaj-II-i-krym/ (дата обращения: 20.12.2015).

² Институт агентов Министерства финансов просуществовал 82 года (1829–1911). Начинаясь он еще при министре финансов Е. Ф. Канкрине, его третий период расцвета пришелся на период денежной реформы С. Ю. Витте. Агенты (или корреспонденты) были прикреплены к Департаменту мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов. Функциональная задача агентов заключалась в том, что они собирали сведения в крупных промышленных центрах за границей, необходимых для использования в техническом оснащении отечественного производства [16].

королевскими персонами. Во время беседы с Марией Федоровной в комнату вошла ее сестра — Английская королева Александра Датская (1844–1925) — супруга короля Эдуарда VII (их сын Георг имел портретное сходство с русским царем Николаем II). С. Ю. Витте был представлен английской королеве. С датским королем встреча заранее не планировалась. Это видно из того, что адъютант короля только на выходе нагнал С. Ю. Витте и сообщил ему, что король желает его видеть. Видимо, у датского короля проявился повышенный интерес к гостю дочери. Встречу с ним король назначил на следующий день. На аудиенции С. Ю. Витте представился королю Христиану IX (1818–1906), который в знак благодарности преподнес ему свою фотографию¹, хотя дарил их только своим родственникам. Король с любопытством спросил у С. Ю. Витте, о чем шла речь между ним и его дочерью. С. Ю. Витте пришлось вкратце передать ему смысл разговора. Следующий вопрос касался того, что выдавало тайну бесед короля с его дочерью, он неожиданно осведомился у русского министра, что представляет собой «Миша» (т. е. в. к. Михаил Александрович). Как учитель потенциального русского наследника, Витте понимал, что проявленный интерес к «Мише» был не случайным. В подтексте вопроса короля звучала тревога: его дочь Дагмар была обеспокоена положением с наследником. Несмотря на то что в. к. Михаил Александрович являлся следующим по мужской линии после Николая II, у него не было титула — ни наследника, ни цесаревича. Видимо, этот вопрос был актуальным и обсуждался в двух государствах: в русском и датском. Как и Николая II, всех настораживало то, что в императорской семье рождались лишь девочки, а прямой наследник отсутствовал. Конечно же, король не мог напрямую задать вопрос: получит ли Россия достойного царя в лице Михаила Александровича? Между тем С. Ю. Витте, если верить его воспоминаниям, разгадывает дипломатический ход короля и понимает, что от него ожидают услышать. Ответ Витте прозвучал как эталон русской дипломатии с привкусом византийского лукавства: Император Николай II есть сын своей матери и по своему характеру и по натуре, а в. к. Михаил Александрович есть больше сын своего отца. Не секрет, что Михаил, действительно, был любимым сыном Александра III и любимым внуком датского короля Христиана IX. На ответ Витте датский король только рассмеялся [7, с. 188–189]. Итак, в ответе ясно прозвучала мысль, что и Николай, и Михаил имеют свои достоинства, унаследованные от своих царственных родителей, кто лучше — покажет время. Словно провидец, С. Ю. Витте предугадал, что только время рассудит династический вопрос и два брата должны будут проявить ответственность за самодержавие.

Наконец, С. Ю. Витте нанес визит Марии Датской (Мария Амелия Франсуаза Елена (1865–1909), французская принцесса из Орлеанского дома). Она являлась супругой датского принца Вальдемара, брата Марии Федоровны и Английской королевы. Именно встреча с Марией Датской являлась официальным поводом для визита С. Ю. Витте в Копенгаген, который он осуществил по просьбе Николая II. К Марии Датской на аудиенцию он прибыл вместе с Грубе. Как известно, принцесса Орлеанская славилась в Дании своей экстравагантностью, независимым характером и была любимицей датчан. Со времен Александра III она являлась сторонницей сближения Франции и России. Так с какой же целью был приглашен С. Ю. Витте к ней на встречу, зачем ей нужен был русский министр? Прежде всего, эта встреча была деловой, необходимо было решить некоторые вопросы по организации датского пароходного общества в России [7, с. 187, 189].

Таким образом, поездку в Данию буквально законспирировал в своих воспоминаниях сам С. Ю. Витте, чем вызвал суждения различного толка о целях своего визита. И только из письма Витте к Д. С. Сипягину ясно, что в Копенгаген он за-

¹ Подобные подарки свидетельствовали об оказании высокой чести даруемому.

езжал по желанию государя с визитом к Марии Датской, а по собственным воспоминаниям он упоминает лишь имя вдовствующей императрицы, сообщая, что она дала знать, чтобы он посетил ее в Дании.

Литература

1. Абезгауз С. А. Влияние экономической политики Е. Ф. Канкрин на взгляды Ф. Листа и С. Ю. Витте // Английская набережная, 4: сб. СПб. науч. о-ва историков и архивистов. Вып. 5. СПб., 2007.
2. Алешин В. С. Благородство и подлость. СПб., 2011.
3. Ананьич Б. В. Российское самодержавие и вывоз капиталов. 1895–1914 гг. (по материалам учетно-ссудного банка Персии). Л., 1975.
4. Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 2000.
5. Богданович А. В. Три последних самодержца. М., 1990.
6. Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. М.: «Книга по Требованию», 2013.
7. Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. М.: «Книга по Требованию», 2012.
8. Витте С. Ю. Конспект лекции о народном и государственном хозяйстве, читанных его императорскому высочеству великому князю Михаилу Александровичу в 1900–1902 гг. М.: Народное хозяйство, 1997.
9. Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. М., 2000.
10. Докю Чой. Россия в Корею. 1893–1905 гг. (политика Министерства финансов и Морского министерства). СПб., 1996.
11. Илюхина Р. М., Сдвижков Д. А. Российский пацифизм и западное миротворчество в начале XX века [Электронный ресурс]. URL: [krotov.info>library/o5_d/o1/giy_3htm](http://krotov.info/library/o5_d/o1/giy_3htm) (дата обращения: 29.01.2016).
12. Кудрина Ю. В. Императрица Мария Федоровна и император Николай II. Мать и сын. М.: Вече, 2013.
13. Милюков П. Н. Воспоминания государственного деятеля. Нью-Йорк, 1982.
14. Никольский Б. В. Дневник. 1896–1918 гг. Т. 1. СПб., 2015.
15. Рязанов Д. С., Корсакова И. С., Тютюнник В. М. Россия и Нобелевская премия мира (1901–1955 гг.). Опыт анализа в контексте истории // История науки и техники. 2009. № 12. С. 44–56.
16. Смирнов А. Е. Агенты Министерства финансов Российской империи за границей: С. С. Татищев в Лондоне: автореф. на соиск. уч. степ. к. и. н. М., 2003.
17. Ткаченко А. Я. «Династический кризис» в России осенью 1900 года // «Из глубины времен». Альманах. 2005. № 13. С. 3–5.
18. Хереш Э. Николай II. Серия «След в истории». Ростов-на-Дону: «Феникс», 1998.

References

1. Abezgauz S. A. *Influence of economic policy of E. F. Kankrin on F. List and S. Yu. Witte's views* [Vliyaniye ekonomicheskoi politiki E. F. Kankrina na vzglyady F. Lista i S. Yu. Vitte] // English Embankment, 4: Collection of St.-Petersburg scientific community of historians and archivists [Angliiskaya naberezhnaya, 4: sb. SPb. nauch. o-va istorikov i arkhivistov]. Issue 5. SPb., 2007. (rus)
2. Alyoshin V. S. *Nobility and meanness* [Blagorodstvo i podlost']. SPb., 2011. (rus)
3. Ananyich B. V. *Russian autocracy and export of the capitals. 1895–1914. (On materials of registration loan bank of Persia)* [Rossiiskoe samoderzhavie i vyvoz kapitalov. 1895–1914 gg. (po materialam uchetno-ssudnogo banka Persii)]. L., 1975. (rus)
4. Ananyich B. V., Ganelin R. Sh. *Sergey Yulyevich Witte and his time* [Sergei Yul'evich Vitte i ego vremya]. SPb., 2000. (rus)
5. Bogdanovich A. V. *Three last autocrats* [Tri poslednikh samoderzhitsa]. M., 1990. (rus)
6. Witte S. Yu. *Memoirs* [Vospominaniya]. V. 1. M.: "Book on demand" ["Kniga po Trebovaniyu"], 2013. (rus)
7. Witte S. Yu. *Memoirs* [Vospominaniya]. V. 2. M.: "Book on demand" ["Kniga po Trebovaniyu"], 2012. (rus)
8. Witte S. Yu. *The abstract of a lecture about national and state economy, the read to his imperial highness to the grand duke Mikhail Aleksandrovich in 1900–1902* [Konspekt lektzii o narod-

- nom i gosudarstvennom khozyaistve, chitannykh ego imperatorskomu vysochestvu velikomu knyazyu Mikhailu Aleksandrovichu v 1900–1902 gg.]. M. : National economy [Narodnoe khozyaistvo], 1997. (rus)
9. Gurko V.I. *Lines and silhouettes of the past* [Cherty i siluety proshlogo]. M., 2000. (rus)
 10. Dokkyu Choi. *Russia in Korea. 1893–1905. (Policy of the Ministry of Finance and Sea ministry)* [Rossiya v Koree. 1893–1905 gg. (politika Ministerstva finansov i Morskogo ministerstva)]. SPb., 1996. (rus)
 11. Ilyukhina R.M., Sdvizhkov D.A. *The Russian pacifism and the western peacemaking at the beginning of the XX century* [Rossiiskii patsifizm i zapadnoe mirotvorchestvo v nachale XX veka] [An electronic resource]. URL: [krotov.info> library/o5_d/o1/giy_3htm](http://krotov.info/library/o5_d/o1/giy_3htm) (date of the address: 1/29/2016). (rus)
 12. Kudrina Yu. V. *Empress Maria Fiodorovna and Emperor Nicholas II. Mother and son* [Imperatritsa Mariya Fedorovna i imperator Nikolai II. Mat' i syn]. M. : Veche, 2013. (rus)
 13. Milyukov P.N. *Memoirs of the statesman* [Vospominaniya gosudarstvennogo deyatelya]. New York, 1982. (rus)
 14. Nikolsky B.V. *Diary. 1896–1918* [Dnevnik. 1896–1918 gg.]. V. 1. SPb., 2015. (rus)
 15. Ryazanov D.S., Korsakova I.S., Tyutyunnik V.M. *Russia and Nobel Peace Prize (1901–1955). Experience of the analysis in the context of history* [Rossiya i Nobelevskaya premiya mira (1901–1955 gg.). Opyt analiza v kontekste istorii] // History of science and technology [Istoriya nauki i tekhniki]. 2009. N 2. P. 44–56. (rus)
 16. Smirnov A. E. *Agents of the Ministry of Finance of the Russian Empire abroad: S. S. Tatishchev in London* [Agenty Ministerstva finansov Rossiiskoi imperii za granitse: S. S. Tatishchev v Londone]. Dissertation abstract. M., 2003. (rus)
 17. Tkachenko A. Ya. *“Dynastic crisis” in Russia in the fall of 1900* [«Dinasticheskii krizis» v Rossii osen'yu 1900 goda] // “From depth of times” [«Iz glubiny vremen»]. Almanac. 2005. N 13. P. 3–5. (rus)
 18. Heresh E. *Nicholas II* [Nikolai II]. Trace in the History series [Seriya «Sled v istorii»]. Rostov-on-Don: Phoenix, 1998. (rus)